

*Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!),*

этот «клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками», сейчас нуждается в защите. Как же передать детям чистоту и богатство языка? Средство одно: русская классика, носительница лучших образцов языковой традиции, прекрасного владения словом. Бережное неторопливое чтение, расширение словарного запаса включением в речь ярких авторских слов и выражений, близкие к тексту переказы, подражание прекрасным образцам способны формировать не только языковую культуру, но и столь дефицитную культуру общения, которой блистательно владели герои русской классики.

Какова стратегическая задача современной системы образования? Ответ на этот вопрос напрямую зависит от того, какое общество мы в конечном итоге создаем. Если послушное «стадо», «беспорный и согласный муравейник» (Ф. М. Достоевский, гл. «Великий инквизитор» из романа «Братья Карамазовы»), который за кусок хлеба покорно положит свою свободу к ногам сильных мира сего, основывающих свою власть «на чуде, тайне и авторитете», то путь к этому провидчески показан тем же великим пророком земли русской Ф. М. Достоевским в романе «Бесы»: «Меры, предлагаемые ... для отнятия у девяти десятых человечества воли и переделки его в стадо, посредством перевоспитания целых поколений (подчёркнуто нами – Е. К.) – весьма замечательны, основаны на естественных данных и очень логичны»: «Все рабы и в рабстве равны ... Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов ... Не надо высших способностей. Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос, мы пустим неслыханный разврат...»

При всей парадоксальной заострённости этого прогноза он может стать достаточно реальным, если целенаправленно воздействовать на человеческое сознание, разрушая здоровые механизмы, заменяя истинные ценности на мнимые, наконец, прибегая к зомбированию. Для гармоничного развития полушарий головного мозга, отвечающих за логическую и эмоциональную сферу сознания, в период становления личности необходима их равномерная нагруженность, что обеспечивается адекватным изучением предметов физико-математического и гуманитарного циклов с приоритетом в по-

следнем родного языка и родной литературы. Любой перекокс, нарушение «золотого сечения» может привести к отклонениям в развитии, серьёзным психическим сдвигам, наконец, к дебилизации, эффективному средству превращения в «стадо».

Несколько десятилетий назад хороший советский поэт Б. А. Слуцкий написал:

*Интеллигентнее всех в стране
Девятиклассники,
Десятиклассники:*

*Ими
только что прочитаны классики
И не забыты ещё вполне.*

С тех пор, как неоднократно и с большой тревогой отмечалось нашей общественностью, уровень интеллектуального развития молодёжи заметно понизился, что в значительной мере связано с падением культуры чтения, снижением качества школьного преподавания вообще и преподавания литературы в частности.

Великая русская литература часто выступала в качестве не только духовного учителя, но и духовного врача. Если попытаться, пользуясь её уроками, поставить диагноз нашему времени, он может звучать примерно так: «Острая духовно-нравственная недостаточность». И где найти не только «горькие лекарства, едкие истины», бьющие наповал средства «шоковой терапии», но и такие, которые способны бережно и постепенно влиять на больной организм, пробуждая в нём вкус к добру, благородству, порядочности, гармонии, красоте?

Рецепт: «Русская классика».

М. С. Жихарев

К вопросу о духовных истоках кризиса российского общества

Часть I

Глубокий всесторонний кризис, переживаемый нашим обществом, с естественной необходимостью побуждает как к осознанию подлинной основы тех политических комбинаций, которые разыгрываются перед нами в эшелонах власти, так и к теоретическому осмыслению более глубинных процессов, которые привели могучую в прошлом державу на грань катастрофы.

Ответы на вопросы о том, почему XX век

принёс России такие испытания, действительно ли она оказалась на обочине цивилизации и западный мир вправе выступать в роли старшего учителя, или у неё собственная судьба, несущая свой оригинальный потенциал жизни, определяют подходы к решению назревших проблем. Политические пристрастия, религиозные ориентации, национальные и иные факторы делают достаточно большим разброс мнений при обсуждении “русской идеи” [1].

Мы предлагаем сосредоточить внимание на духовной стороне проблемы, ибо она имеет глубокие корни и определяет особенности материального и политического миропорядка. К тому же в отечественной литературе она стала предметом открытого обсуждения лишь в последние годы. Выдающийся русский философ И. А. Ильин ещё в начале XX века проникновенно замечал: “Мы, люди современной эпохи, не должны и не смеем предаваться иллюзиям: кризис, переживаемый нами, не есть только политический или хозяйственный кризис; сущность его имеет духовную природу, корни его заложены в самой глубине нашего бытия...” [2. С.557]. Без осознания этого факта как политиками, так и широкой общественностью невозможно прервать наше сползание в пропасть. “Мы не имеем ни права, ни основания изображать наше крушение как “невинную” и “неопасную” случайность. Мы должны найти в себе мужество и остроту взгляда, чтобы увидеть вещи такими, каковы они суть на самом деле; мы должны найти в себе волю, чтобы выговорить всю правду и вступить на новые пути...” [2.С.557]. Эта оценка ситуации в России, сделанная И. А. Ильиным в середине 50-х гг. XX в., в полной мере приложима к нашему времени.

Поскольку духовность настоятельно выдвигается в центр проблемы преодоления кризиса, принципиально важно определить её содержание, тем более на этот счёт имеются разные точки зрения. В традиционной философской и психологической литературе дух и духовные начала человека связываются главным образом с его творчески-созидательной деятельностью, с включением его в мир культуры. Как духовное существо человек мыслится во взаимосвязи с обществом, культурой, историей. Отдельный человек вплетён в межличностные, общественные связи, скреплён с другими людьми общими ценностями жизни. Духовная жизнь его всегда во вне, к обществу, вообще, к роду человеческому. Индивид духовен в той мере, в какой он действует согласно высшим

нравственным ценностям данного общества.

Сегодня в трактовке духовности просматриваются новые элементы. Это связано с тем, что наши общественные науки начинают интенсивно осваивать и отечественное, и мировое религиозно-философское наследие, духовный опыт подвижников веры. В результате положение о том, что духовным стержнем каждого этноса является вера, не вызывает дискуссий. В то же время вера может иметь вполне “земные” корни (скажем, вера древних римлян в свой город как некое подобие божества, служение которому приобретало характер религиозного ритуала; или вера в идеалы гуманизма, просветительства; вера в очистительную силу революции и т. п.). Под знаком такой веры на разных исторических этапах вершилась политика ряда ведущих европейских государств. При этом высшие нравственные ценности всякий раз менялись в угоду тем или иным политическим соображениям. Сегодня немного отыщется тех, кто согласен с ленинским утверждением о нравственности любых действий, которые служат интересам революции. Цену такой “нравственности” имели несчастье испытать на себе целые поколения. Следовательно, “заземлённая” вера не может проложить путь к высшим измерениям духовности человека. Это под силу лишь той вере, которая связана с религиозным мировоззрением¹, которая вводит в мир абсолютных ценностей, в которой трепетное сердце, а не холодный ум становится главным “инструментом” познания мира как промысла Божия.

Для русского народа такой верой стало православие, в котором нераздельно соединились его история и судьба. Именно оно стало тем фактором, который позволил “отлить” в особый тип духовности влияние природно-географических, исторических условий, социальных и этнических черт. “Россия не просто продукт своего пространства, климата, природы, истории, но и цветок своего духа, плод этой духовной традиции” [3.С.24]. Русское православие синтезировало в нераздельное единство

¹ В марксистском понимании дух как отражение действительности есть сконцентрированное сознание, являющееся орудием воздействия человека на действительность с целью ее переделывания. См. Философская энциклопедия. М., 1962. Т.2

Это перекликается с трактовкой духовности (в светском значении) как проявления умственной деятельности. См. С.И. Ожегов. Словарь русского языка.

мировоззрение, психологию и образ жизни человека. Оно соединило этические начала наших предков, их традиции, обычаи с духовно-нравственными ценностями Нового Завета. Святая Русь – это не территория, населённая только подвижниками веры. Здесь так же, как и у других народов, были свои антисоциальные элементы, грешники и те, чьё обращение к Богу имело скорее формально-ритуальный характер. Однако же основная часть народа считала естественной нормой жизни духовные формы существования. Они-то и составили тот уникальный набор национальных черт, который определял как особенности русской цивилизации, так и типические черты личности русича, а затем и россиянина. Это прежде всего добротолюбие как убеждённость в приоритете добра в жизни, в неизбежности его победы над злом. Оригинальный исследователь русского православного самосознания О.А. Платонов, говоря о добротолюбии, обращает внимание на то, что оно не сводится к чистой церковности и образцам древней русской святости, но гораздо шире и глубже их, включая всё, что связано со служением людям, с добротой и благом. “Любить добро – главное для истинного православного. Такое отношение к вере идёт из глубины русского национального сознания, согласно которому человек по природе добр, а зло в мире – отклонение от нормы... В древних русских воззрениях отчётливо пробивается мысль о совершенствовании, преображении души человека на началах добра и лада” [4.С.19].

Неотделимо от русского национального сознания чувство соборности как особого единства людей на основе общих духовных ценностей и этических принципов. Русский мыслитель Д. А. Хомяков определял соборность как “свободное единство в деле совместного понимания правды и совместного отыскания пути к спасению...” В православии человек ощущает себя “не в бессилии своего духовного одиночества, а в силе своего духовного, искреннего единения со своими братьями, со своим Спасителем” [4.С.33]. Соборность стала одним из главных условий национального сплочения в деле создания могучего Русского государства.

Христианство на Руси заложило в характер человека и особое отношение к труду. Он здесь никогда не рассматривался как проклятие, но, напротив, как богоугодное дело. В отличие от западного христианства с его индивидуализмом, с установкой на личное спасение, на Руси спасение мыслилось через соборное соединение усилий как в молитвенном устрем-

лении к Богу, так и в подвижничестве упорного труда. При этом материальное благополучие не становилось самоцелью, а лишь условием поддержания земного бытия. Полноту же его определяла духовная составляющая. Такое преобладание духовно-нравственных мотивов жизненного поведения над материальными интересами получило широкую известность как нестяжательство. Суть его отражена в многочисленных народных поговорках: “Лишнее не бери, карман не дерь, души не губи”, “Живота (богатства) не копи, а душу не мори”, “Лучше жить в жалости, чем в зависти”, “От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь”, “Деньги, что камень, – тяжело на душу ложатся”. Нестяжательство было своеобразной идеологией русского человека.

В нравственный кодекс его органично входили представления о справедливости и правде, совести и стыде, чести и бесчестье. Они были непонятны и чужды западному человеку. Много лет проживший на Западе и хорошо знавший его И.А. Ильин писал: “Западноевропейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живёт прежде всего сердцем и воображением, и лишь потом волею и умом. Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты как “глупости”; русский человек, наоборот, ждёт от человека прежде всего доброты, совести и искренности” [5.С.63].

Таким образом, внутренняя логика формирования и развития русской цивилизации обусловила такой отбор жизненных приоритетов, которые в своей совокупности как бы материализовались в новом, отличном от Запада, типе личности.

Внешне и западный, и восточный человек реализовали себя во внешне сходных обстоятельствах: и тот, и другой обеспечивали своё существование трудом, включаясь в сложный механизм социальных отношений в этой области; и тот, и другой оказывались в системе общественных правоотношений; и тот, и другой являлись носителями христианской культуры.

Однако различия становятся очевидными, если расставить приоритеты на шкале жизненных ценностей.

Жизненные ориентиры западного человека носили преимущественно экономический, потребительский характер. Это нашло идеологическое закрепление в протестантизме, делающем личное обогащение религиозно-этической миссией, которой всё должно быть подчинено. В результате западная цивилизация

включала людей в гонку накопительства, в которой с каждым днём хочется всё большего и большего. Современные средства массовой информации делают агрессивное потребительство новой религией.

Для русского человека приоритет жизненных ценностей был не в экономической стороне жизни, не в накоплении материальных благ, а в духовной сфере. Архимандрит Илларион (Троицкий) писал: “Идеал православия не есть прогресс, но преображение... Новый Завет не знает прогресса в европейском смысле этого слова, в смысле движения вперёд в одной и той же плоскости. Новый завет говорит о преображении естества и о движении вследствие этого не вперёд, а вверх, к небу, к Богу” [4.С.9]. Такая мировоззренческая позиция придавала личности особую целостность, поскольку не допускала раздвоения между ценностями материального и духовного порядка. Напротив, материальные блага рассматривались как средство поддержания тела в стяжании красоты и гармонии мира, в постижении пути к спасению души. Это отнюдь не означало бегства от мира, замыкания в некоем духовном микромире. Напротив, мир воспринимался во всех его реалиях, со всеми проблемами, трудностями, страданиями. В то же время целостный, внутренне единый человек сохранял покой в душе, что позволяло с большей отдачей решать практические вопросы жизни.

Если люди теряют главное – духовный стержень, то в жизни для них не остаётся ничего, кроме земного, чувственного. А это в конечном счёте всегда было чревато внутренней опустошённостью, своего рода болезнью бездуховности и эгоцентризма. Более 40 лет назад И. А. Ильин в работе “Путь к очевидности” так описал и симптомы, и течение этой болезни. “Человек, несущий в себе внутреннее расщепление, не знает счастья. Его ждёт вечное разочарование и томление. Он обречён на вечную и притом безнадежную погоню за новыми удовольствиями; и везде ему предстоит неудовлетворённость и дурное расположение духа. Добиваясь и не получая, требуя и не находя, он всё время ищет нового, не испытанного, но приятного раздражения, и всякое “обещание” обманывает его. Он начинает измышлять неслыханные возможности; он утрачивает вкус, искажает искусство; извращает чувственную любовь; и вот он уже готов воззвать ко всем безднам зла, перерыть все углы и закоулки порока, чтобы раздобыть себе новое наслаждение или по крайней мере раздраженье и ис-

пробовать какую-то небывалую утеху и усладу. Ему нельзя помочь; трудно помешать; он должен выпить до дна чашу своей немощи и своих заблуждений, что ныне и происходит в мире...” [2.С.417]. Эта болезнь духа, так беспощадно обнажённая русским философом, стала приметой нашего времени, более того – одной из основных причин современного кризиса.

Почему же произошла инфляция духовных ценностей русского народа, всего того, во что он верил, ради чего жил, что было скрепляющей основой личности человека? Какие причины и обстоятельства могли деформировать нравственные ориентиры народа, в борьбе и труде выстрадавшего право на свою самобытность?

Бездуховное обновление мира имеет свои основы. Они тесно взаимосвязаны с научно-техническим прогрессом. Одна из основных особенностей его состоит в том, что интересы производства становятся доминантой общества, подчиняя себе всю жизнь и деятельность человека. При этом коренным образом перекраивается его духовная структура. Рационализм индустриальной цивилизации не оставляет места таким человеческим качествам, как совесть, вера, чувства и поступки, продиктованные движением сердца. Оценка всех действий производится лишь с позиций рациональности. Так, в хозяйственной, деловой жизни определяющим успех является трезвый расчёт, хладнокровие, предвидение. Чувствительность же, любовь, сострадание и другие подобные душевные порывы могут привести к нерасчётливым глупостям и разорению. Что касается одного из главных двигателей прогресса – науки, то и здесь чувства с их субъективностью могут внести ошибки и пристрастия, подменяя объективное наблюдение и бесстрастный анализ. Политика тоже не оставляет места для “сентиментальности”. В борьбе за власть к успеху ведут трезвый учёт сил, удачная интрига, искусная реклама и т. п.

Поколеблена в самих основах религия. Мир с его католичеством и протестантизмом интегрировался в новую систему отношений. В западноевропейское религиозное сознание внедряется потребительское мироощущение. Лютеранство стало своеобразной идеологией прогресса в западноевропейском понимании. Богатство и успех верующий воспринимает как подтверждение богоугодности его дела.

Из этой системы ценностей выпадало православие, сохранявшее духовную целостность русского человека. И хотя к началу XX

века Россия входила в пятёрку наиболее развитых индустриальных стран, на 80% она оставалась крестьянской, проникнутой православным сознанием. Таким образом, используя элементы технологической цивилизации Запада, она сохраняла традиционный уклад жизни. Он, по словам И. А. Ильина, основывался на славяно-русском созерцании мира, природы и человека, чуждом холодной рассудочности и жестокой воле западноевропейца.

Национальное своеобразие страны породило настороженное отчуждение от неё западного мира. Истоки этой враждебности раскрыл оригинальный русский мыслитель Н.Я. Данилевский ещё в 60-е гг. прошлого века в книге "Россия и Европа". С течением времени ситуация мало изменялась. Почти столетие спустя И.А. Ильин отмечал: "Где бы мы, русские национальные эмигранты, ни находились в нашем рассеянии, мы должны помнить, что другие народы нас не знают, что они боятся России, не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому её ослаблению" [5.С.62]. Из этого незнания и непонимания сформировался стереотип оценки России как чуждой, враждебной прогрессу.

Проникновение идей прогресса в западноевропейском понимании в Россию привело к духовному раздвоению нашего общества, которое стало особенно очевидным в XIX веке. Сначала дворянство, культурно связанное преимущественно с Европой, а не с Россией, а затем и большая часть интеллигенции, по содержанию своего образования и мировоззренческим позициям тяготеющая к западным жизненным ценностям, утрачивают национальную почву, проникаются идеями индустриальной цивилизации. Происходит трагическая мутация личности. Обладая психологическим стереотипом русского, такой человек трансформируется в совершенно особенный тип личности. Вот как характеризует его О. А. Платонов: "Этот стереотип включал в себя такие характеристики, как обострённое восприятие понятий добра и зла, правды и справедливости, высших целей бытия. Но то, что для коренного национально мыслящего человека было органично и естественно, выражаясь в стройном православном мировоззрении добротолубия и соборности, у интеллигента, лишённого национального сознания, выражалось максималистски, абстрактно, с жадной разрушения, не соразмеряясь с действительностью [4.С.161-162]. Человек с таким мироощущением, проникаясь ценностями Запада, идеями индустриальной цивилизации, расценивал основы отечественной жизни и

хозяйствования, традиционной народной культуры как отсталость и косность, а Россию – как препятствие на пути к прогрессу человечества. И если интеллигенция в любом государстве аккумулирует национальное мировосприятие, закрепляет и развивает традиции народа, то в России значительная часть образованного общества стала разрушителем национальных основ. Естественное стремление русского народа к освобождению от самодержавно-крепостнического режима было использовано в этих целях.

Вооружившись идеей всеобщего счастья, равенства и братства, сторонники революционной ломки государственных и социальных механизмов разделили общество на "наших" и "не наших". Все, кто был несогласен с революционной идеей разрушить весь мир до основания, а затем создавать новый по западным схемам, относились к разряду "не наших". А на войне, как на войне: в борьбе с ними признавались приемлемыми все средства. Сочувствие, сострадание, милосердие и другие человеческие чувства в отношении их расценивались как непростительная слабость и даже предательство революции. То, что "не нашими" оказалось большинство русских людей, сторонников революционного переустройства России остановить не могло. В их представлении великая идея стоила любых жертв. О том, что террор в отношении собственного народа стал для большевистской партии не случайным явлением, а теоретически обоснованной политикой, проводимой многие годы, в нашей печати обсуждалось достаточно широко. По убеждению И.А. Ильина, О.Г. Платонова, И.Р. Шафаревича и многих других учёных, погибла и не смогла дать потомства не просто часть населения, а генетически лучшая его часть – самые активные, честные и трудолюбивые представители коренного крестьянства, казачества, а также национальная интеллигенция, т.е. те, кто создавал материальную и духовную культуру страны, кто был оплотом её национальной самобытности. Многие годы национальное сознание расценивалось государством как наиболее опасная идеология. В стране активно разрушались материальные основы русской духовной культуры. По заниженным подсчётам, погибло и превращено в руины 25-30 тысяч церквей и соборов, около 500 монастырей, не менее 50 тысяч ценных городских зданий (палат, особняков и т.д.), около 2 тысяч усадеб. Уничтожены сотни тысяч предметов прикладного искусства, десятки тысяч художественных живопис-

ных произведений, фресок, росписей, не менее 20 миллионов икон. Стоимость утраченных культурных сокровищ России по мировым меркам равна культурным ценностям большого европейского государства [4. С.196-197].

Такая война с собственным народом не могла не обернуться нарушением внутренней целостности личности, девальвацией жизненных ценностей, духовным оскудением человека.

Примечания

1. Человек и духовно-культурные основы возрождения России. М. – С–Пб ун-т, 1996.
2. И.А. Ильин. Собрание сочинений в десяти томах. М.: Русская книга, 1994. Т.3.
3. И.А. Ильин Собрание сочинений в десяти томах. М.: Русская книга, 1997. Т.6 Книга III.
4. О.А. Платонов. Русская цивилизация. М.: Роман-газета, 1995.
5. И.А. Ильин. Собрание сочинений в десяти томах. М.: Русская книга, 1993. Т.2. Книга I.

Е.А. Дмитриева

Основные методические условия развития экологических знаний в процессе изучения общей биологии

Статья посвящена одной из проблем методики - развитию теоретических знаний, к которым относятся и экологические. В работе обоснованы методические условия эффективного изучения темы "Экосистемы, их развитие" в школьном разделе общей биологии, что может быть полезно учителям - предметникам и студентам факультетов биологического профиля педагогических вузов.

Раздел общей биологии, являющийся ключевым в школьном биологическом курсе, в силу своего теоретического характера должен строиться с учетом структурно - функционального подхода, в соответствии с уровнями организации живой природы.

Согласно этому подходу, изучение общеприродных закономерностей должно идти от простого к сложному, начиная с молекулярного и заканчивая биосферными уровнями. Каждая тема раздела должна быть логически связана с предыдущей, подводить старшеклас-

сников к пониманию последующей. Это позволит соблюдать логику развития понятий раздела.

Так, логичным будет лишь после изучения основ молекулярной биологии (молекулярного уровня), цитологии (клеточного уровня), генетики (организменного уровня) и эволюционного учения (популяционно-видового уровня) подводить школьников к изучению основ экологии (биогеоценотический и биосферный уровни). Перед изучением биосферного уровня организации, рассмотрением понятий о функции биосферы, закономерностей её эволюции необходимо вначале изучить надорганизменные структуры - экосистемы, в пределах которых происходят все геохимические процессы, обусловленные жизнедеятельностью организмов, входящих в их состав. Это тем более важно, что в наше время обретает особую актуальность научное, методологическое и мировоззренческое значение экосистемного подхода.

Известно, что качественное усвоение знаний школьниками возможно лишь при условии, если учебный материал (в данном случае - тема "Экосистемы, их развитие") будет представлять собой не отрывочные, фрагментарные знания, а будет построен системно. Согласно принципу генерализации, разработанному в трудах отечественного дидакта Л.Я. Зориной, такой системообразующей единицей является теория - то целое, в котором понятия и другие элементы знаний взаимодействуют.

Таким образом, теоретические понятия об экосистеме, её свойствах, структуре, связи их с другими уровнями организации живого и т.п. должны функционировать внутри теории экосистемы, что и является одним из важнейших методических условий развития экологических знаний старшекласников.

В основе теории экосистемы лежит принцип единства живой и неживой (косной) природы, предложенный В.И. Вернадским и развитый работами В.Н.Сукачева. Следуя классификации, предложенной Л.Б. Баженовым, данную теорию можно отнести к описательной, приближающейся в своем развитии к математизированной (т.к. в ней широко используется математический аппарат, но он пока еще выполняет лишь вспомогательную функцию - при обработке данных и т.п.).

Но для качественного усвоения знаний недостаточно включить теоретические знания в содержание учебного материала, необходимо дать школьникам приемы изучения теории. Поэтому следующим необходимым методическим условием является определение такого способа